

Прогресс и религия

Оригинал здесь: [Сайт "Истории России"](#)

Десять лет тому автор предлагаемой статьи считал нужным вооружиться против нападков на прогресс, которые находил вредными для правильного исторического понимания. Тогда он писал: "К каким неимоверным странностям и к какому бесплодию ведет антиисторическое направление и этот буддистский протест против прогресса, это стремление возвратиться к первоначальной простоте отношений,- стремление, обличающее недостаток нравственных сил, неумение сладить с прогрессом, материализм, неверие в нравственные силы человека, который, по мнению новых буддистов, тогда только чист и свеж, когда живет в лесу, и портится, когда выступает на высшее общественное поприще"^[1]. Теперь чувствуется надобность вооружиться против крайностей направления противоположного, против обоготворения прогресса, которому должно быть подчинено все, которому должна быть подчинена религия, из чего выводится необходимость новой религии, ибо христианство, говорят, не соответствует более той степени прогресса, на которой находится теперь человечество. Мы не берем на себя задачи, которая не по силам нашим,- задачи защищать христианство; мы не коснемся богословских вопросов; мы ограничимся одною научно историческою средою и ее средствами постараемся уяснить вопрос об отношении прогресса к религии, и именно к христианству, потому что без решения этого вопроса невозможно и решение других важных исторических вопросов.

Люди, с мнениями которых мы будем иметь дело, глубоко, как говорят они сами, убеждены, что "религия есть неистребимая потребность природы человеческой; если иногда кажется, что потребность эта ослабевает и будто засыпает, то потом она вдруг пробуждается с большею силою. Ясно также, что новые учения не представляют достаточной пищи для веры, для потребности верить. Те, для которых религия есть вдохновение чисто индивидуальное, могут довольствоваться верованиями, которые теперь существуют в общем сознании. Но религия прежде всего есть связь душ: отсюда необходимость церкви и богослужения. Человек не довольствуется проходящим существованием на земле, как бы оно прекрасно ни было; он жаждет вечности. И дело идет не об одном бессмертии, которого он желает: дело - в связи с бесконечным Существом, от Которого он получил свое существование и без Которого он не сумеет жить. Кто будет его руководителем по тернистому пути жизни? Кто будет его вдохновлять в борьбе страстей против требований долга? Где найдет он опору и утешение в неизбежных бедствиях, которые сопровождают самые нежные привязанности? Кто будет поддерживать его надеждой? Кто укрепит его веру в минуты сомнений, изнеможения нравственного? Бог - и только один Бог.

Следовательно, связь между существом конечным и Существом Бесконечным необходима, и эта связь составляет сущность религии. Не признавая этой связи и отвергнув идею религии, философы XVIII века тщетно поставили на ее место человечество: одни обязанности к человечеству не составляют религии. Пусть человек посвятит всего себя ближним; эти действия любви недостаточны для наполнения его души. Если в человеке не удовлетворяется потребность стремления к бесконечному, потребность самая сильная; если бы как-нибудь можно было уничтожить всякую идею, которая не относится к сему дольному миру; если бы человек не видал другого горизонта, кроме того, который пред его глазами, то не иссяк ли бы источник самопожертвования? Что осталось бы душе, заключенной в такую тесную темницу, кроме эгоизма, кроме наслаждения удовольствиями этой кратковременной жизни? Если не таков был плод ложных учений философов XVIII века, так это потому, что человек никогда не даст себя изуевчить нравственно. Он носит в себе знамение своего божественного происхождения, элемент бесконечного, и не расстанется с этим стремлением даже в заблуждениях своих. Это не мешает, однако, заблуждению быть гибельным, и потому надобно возвратиться к истине. Если б учение о чувствах не смутило свободных мыслителей XVIII века, вера в бесконечный прогресс, которая их воодушевляла, должна была бы повести их к верованию в бесконечное существование. В самом деле, если допускается, что развитие наших способностей есть цель нашей жизни, то невозможно допустить остановки. Таким образом, идея прогресса, приложенная к индивидууму, тождественна с идеей его бессмертия. В этом философия и христианство сходятся; материализм с своими странностями и пантеизм с своими мечтами не найдут никогда доступа в общее сознание. Общество не может жить без религиозных верований: ему нужна вера, как нужен хлеб"^[2].

Итак, мы имеем дело не с материалистами и их странностями, не с пантеистами и их мечтами, а с